

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории государства и права
и политологии
Адыгейского государственного университета

Тлехатук Саида Аскеровна

аспирант кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) [1]

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности многоуровневой структуры идентичности молодежи Республики Адыгея, выявленные в ходе социологического исследования. Произведено сравнение структур идентичности респондентов разных национальностей и направлений профессиональной подготовки (юридические и гуманитарные специальности). Выявлено, что региональная мы-идентичность характеризуется скорее вертикальными образами, предполагающими утверждение существования определенной территории и незначимую связь с окружающим пространством.

Ключевые слова:

региональная идентичность, многоуровневая идентичность, идентификация, я-идентичность, мы-идентичность, молодежь, Республика Адыгея.

Zhade Zuriet Anzaurovna

D.Phil. in Political Science, Professor,
Head of the Theory of State and Law
and Political Science Department,
Adygea State University

Tlekhatuk Saida Askerovna

PhD student, Philosophy and Sociology Department,
Adygea State University

THE FEATURES OF THE YOUTH'S REGIONAL IDENTITY IN THE REPUBLIC OF ADYGEA (BASED ON SOCIAL RESEARCH) [1]

Summary:

This article discusses the features of the multilevel structure of the youth's identity in the Republic of Adygea that have been identified during the social research. The paper compares the identity structures of the representatives of various nationalities and students mastering different fields of study (majoring in Law and Humanities). The article reveals that regional we-identity is characterized by vertical images suggesting the existence of a certain territory and an insignificant relationship with the surrounding area.

Keywords:

regional identity, multilevel identity, identification, self-identity, we-identity, youth, Republic of Adygea.

В социогуманитарной науке продолжают поиски путей интеграции граждан современной России, которая стала пространством конфликта идентичностей. В связи с этим актуализируется проблема соотношения идентификаций полиэтничного населения регионов в научном и практическом аспектах.

В западной и отечественной традиции существует различие в понимании региональной идентичности. Так, зарубежный исследователь А. Пааси утверждает, что мотивационные установки и смысловые, ценностные воззрения региональных пространств подвержены постоянным трансформациям. В связи с этим регионы представляют собой неизолированные и неограниченные пространства ввиду эффективности учреждаемых сообществ и развертывания социокультурных процессов, выходящих за грани административного устройства региона [2, p. 2300].

Современные реалии социокультурной сферы позволяют описывать регион в качестве феномена социального мира. Ученые подтверждают целесообразность изучения феномена региона в соотношении с гораздо более масштабными по диапазонам развития социокультурными, правовыми, политическими процессами. Как справедливо отмечает М. Рако, в структуре региона как феноменального института современного «регионального» пространства важно выделить такие составные части, как новые формы социокультурной идентификации; взаимоотношения членов социальных групп во благо социального взаимодействия; новые стратегии социального и правового развития в условиях глобализационных процессов [3, p. 324].

В отечественной науке отсутствует однозначная точка зрения на содержательные компоненты региональной идентичности, ее взаимосвязь с другими видами. Такая постановка проблемы определила содержание прикладного социологического исследования, реализованного в 2016 г. в Республике Адыгея.

Концепция проведенного прикладного исследования предполагает изучение региональной идентичности молодежи в структуре социальной идентификации, которое по одной из гипотез исследования отличается горизонтальными или вертикальными типами региональной идентичности.

Данная гипотеза опирается на методологические разработки Н.Ю. Замятиной, которая характеризует классификацию форм территориальной идентичности как соотношение горизонтального и вертикального аспектов региональной идентификации. Характерно, что сообщества, созданные разными интенсифицирующими силами, обладают различными свойствами. Образ территории может иметь различную форму: «вертикальные» образы связаны с утверждением существования определенной территории и мало связаны с окружающим пространством, «горизонтальные», напротив, основаны на отличиях данной территории от прочих [4, с. 60]. В качестве интенсифицирующих сил выступают централизованные институты (например, государство), и тогда региональная идентичность насыщена вертикальными образами. В случае приоритета локальных источников преобладает горизонтальный тип региональной идентичности.

В итоге, как пишет Н.Ю. Замятина, «различные общества (главным образом их ядерные части, властные центры) формируют специфическую социальную территориальную структуру (специфика соотношения центра и периферии)», в которой «формируются взаимосвязанные образы отдельных территорий и их ценностные иерархии» [5, с. 157]. В условиях доминирования того или иного типа интенсификации идентичности образы территорий оказывают влияние на конструирование региональной идентификации жителей, различающихся по соотношению «горизонтальной» и «вертикальной» составляющих.

В контексте постановки исследования данная классификация региональной идентичности является инструментальной с позиции определения типологических особенностей региональной идентичности республиканской молодежи. Формирование региональной правовой идентичности неотделимо от восприятия региональной общности и ее правовых границ. Преобладание в региональной идентичности студентов вертикальных или горизонтальных образов региональной общности коррелирует, с нашей точки зрения, с гражданским или же этатистским типами правовой идентификации.

Феномен идентичности, как правило, исследуется современными учеными на двух уровнях – личностном и групповом. Данные уровни идентификации анализируются через понятия «я-идентичность» и «мы-идентичность», соотношение между которыми подвижно и меняется в течение жизни индивида. Я-идентичность формируется через осознание своей индивидуальности, выделяющей личность из социального окружения. Мы-идентичность складывается через восприятие своей принадлежности к группе. Эти уровни самоотождествления не противоречат друг другу, но являются разными аспектами личности. Кроме того, теорией установлен факт, подтверждающий, что личностная я-идентичность и групповая мы-идентичность – продукты социокультурного конструирования.

В обществах традиционного, или этатистского, типа доминирует такой тип социальной идентичности, при котором «личность как самостоятельное “я” в массовом масштабе... является чем-то вторичным, подчиненным и малозначимым по отношению к общности», поэтому особая роль принадлежит так называемым макроидентичностям – с общиной, народом, государством [6, с. 129]. В либеральных институтах с развитым гражданским самосознанием населения доминируют персоноцентристские идентификации [7, с. 125].

Исходя из общероссийских исследований, проводимых Институтом социологии РАН, большая часть населения страны демонстрирует идентичность с гражданами России [8, с. 16]. Вместе с тем нужно иметь в виду, что в социально-исторических условиях развития страны идентификация с россиянами как жителями одной страны может означать как государственное, так и гражданское самосознание. Как пишут Е.В. Еремина и В.Н. Ретинская, «представление о гражданском сообществе как политической нации в России еще только формируется, и люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, чаще имеют в виду именно принадлежность к государству», поэтому «целесообразно выделить понятие “государственно-гражданская идентичность”, которое включает не только отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми, но и лояльность государству, выполнение законов, норм и требований общества, прав и обязанностей гражданина России» [9, с. 60].

Для сравнения приведем результаты опроса, проведенного в 2010 г. в Республике Адыгея, которым было охвачено около 500 респондентов. Идентичность в инструментарии опроса была представлена через три уровня: макрорегиональная идентичность – отождествление с населением юга России и/или Северного Кавказа; субрегиональная идентичность – близость с населением Республики Адыгея; локальная региональная идентичность – идентификация с жителями своего населенного пункта.

Анкета содержала блок вопросов, направленных на изучение я- и мы-идентификации, места гражданской, этнической и территориальной (региональной) идентичности в общей структуре социальной идентификации, восприятия признаков и свойств региональной общности.

Результаты исследования «я-идентификации» титульного населения республики (45,6 % от всего массива) показали, что на двух первых позициях в этой группе размещаются примордиальные идентичности, которые по степени значимости собирают наибольшее число ответов (семейные статусы – 75,3 и 55,6 %, гендерные статусы – 71,3 %). В третью очередь адыгейцы отождествляют себя с представителями своей этнической группы (60,1 %). На четвертом месте в рейтинге распространенности располагается гражданская идентификация (57,3 %), которая занимает первое место по степени значимости (40,2 %). В первую пятерку идентификаций титульного этноса Адыгеи попадает и субрегиональная идентичность как определение себя жителем республики (56,2 %) [10, с. 79].

В исследовании особенности я-идентичности молодежи Адыгеи выявлялись посредством открытого вопроса (без вариантов ответа) о том, как студенты определяют себя в обществе. Методика «Кто я?» была предложена психологами М. Куном и Т. Макпартлендом и представляет собой неструктурированное самописание респондентом своей идентичности. Методика часто используется в социологических исследованиях и имеет несколько модификаций в российской науке. В социологическую анкету мы поместили следующий вопрос: «Ниже Вы видите шесть пустых линеек. Напишите на каждой из них ответ на вопрос: “Кто я в обществе?” Напишите просто шесть различных существительных в ответ на этот вопрос. Отвечайте так, будто Вы отвечаете самому себе, а не кому-то другому. Располагайте ответы в том порядке, в котором они приходят Вам в голову. Не заботьтесь об их логичности».

Результаты опроса показали, что опрошенная молодежь Адыгеи чаще всего описывает свою я-идентичность в таких абстрактных категориях, как человек, личность, индивид (36,7 %). На втором месте по распространенности располагается государственно-гражданская идентичность – относят себя к россиянам, гражданам России еще 15,2 %. Третье место занимает идентификация со студентами (13,3 %). 8,6 % респондентов идентифицируют себя по семейному статусу (табл. 1).

На этом фоне студенты-юристы чаще приводят абстрактные и общегражданские самоописания, а представителям гуманитарных специальностей важнее семейные роли (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Кто я в обществе?» в зависимости от специальности опрашиваемых, %

Варианты ответа	Все опрошенные	Юристы	Гуманитарии
гендерная идентичность (девушка/юноша, мужчина/женщина)	2,6	3,3	2,1
студент(ка)	13,3	12,6	13,7
профессия / род занятий	4,4	3,7	4,9
семейная идентичность (сын/дочь, брат/сестра, муж/жена)	8,6	3,6	12,1
государственно-гражданская идентичность (россиянин, гражданин)	15,2	17,5	13,5
этническая идентичность	1,0	2,0	0,2
житель Республики Адыгея	0,4	0,3	0,5
член общества	3,3	3,0	3,5
человек, личность, индивид	36,7	41,4	33,5
успешный человек	0,4	1,3	0,7
друг, субъект дружеского общения	3,3	2,3	4,7
собеседник, лидер, член группы	2,7	0,7	3,0
материальное положение (богатый, обеспеченный, бедный)	0,3	1,3	0,5
описание своих физических данных, внешности	0,4	0,7	0,2
занятия, интересы, увлечения	0,8	1,0	0,5
самооценка навыков, умений, знаний, достижений	0,5	0,7	0,5
профессиональная перспектива	1,0	1,0	1,0
характеристики личности (добрый, искренний, настойчивый и пр.)	4,1	2,3	4,4
другое	1,0	1,3	0,5
Всего	100,0	100,0	100,0

Чаще всего опрошенная адыгейская молодежь идентифицирует себя посредством абстрактных общечеловеческих категорий (41,9 %). Данная позиция собирает 36,6 % русских студентов и 27,6 % представителей смешанной группы национальностей. С большим процентным отрывом далее следует государственно-гражданская я-идентичность. Она присуща 13,8 % опрошенных адыгейцев, 15,6 % русских и 17,3 % респондентов смешанной группы. Идентификация со студенчеством представлена в следующем соотношении по трем группам – 11,4; 13,5; 16,5 % (табл. 2).

Можно также отметить, что для адыгейцев и представителей смешанной группы национальностей важнее семейные статусы, тогда как для русских студентов в большей степени характерна идентичность как субъекта общения. Этническая идентичность не набирает больше 2 % в трех представленных группах опрашиваемых (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Кто я в обществе?» в зависимости от национальности опрошиваемых, %

Варианты ответа	Адыгейцы	Русские	Другие национальности
гендерная идентичность (девушка/юноша, мужчина/женщина)	4,1	1,2	2,4
студент(ка)	11,4	13,5	16,5
профессия / род занятий	2,3	4,2	3,1
семейная идентичность (сын/дочь, брат/сестра, муж/жена)	10,6	5,7	13,4
государственно-гражданская идентичность (россиянин, гражданин)	13,8	15,6	17,3
этническая идентичность	2,0	0,3	0,8
житель Республики Адыгея	0	0,6	0
член общества	2,4	4,8	0,8
человек, личность, индивид	41,9	36,6	27,6
успешный человек	0,8	0	0,8
друг, субъект дружеского общения	3,2	8,4	5,5
материальное положение (богатый, обеспеченный, бедный)	0	0,3	0,8
описание своих физических данных, внешности	0	0,9	0
занятия, интересы, увлечения	2,0	1,3	0,8
самооценка навыков, умений, знаний, достижений	0,4	0,9	0
профессиональная перспектива	1,2	0,6	0
характеристики личности (добрый, искренний, настойчивый и пр.)	2,8	3,6	7,9
другое	1,1	1,5	2,3
Всего	100,0	100,0	100,0

На уровне мы-идентичности государственно-гражданская идентичность уступает по степени распространенности группам повседневного общения. На первом месте здесь идентификация со сверстниками (18,7 %). Далее по частоте упоминаний следуют государственно-гражданские идентификации (15,2 %). Принадлежность к группам повседневного общения – социально-профессиональным общностям – собирает 12,6 % опрошенных. Рядом располагается идентификация по признаку принадлежности к жителям Республики Адыгея (12,3 %). Этническая идентичность отмечается еще 10,8 % молодежи Адыгейского государственного университета (АГУ). Конфессиональная идентичность и отождествление себя с жителями Северного Кавказа присуща еще примерно 6 % респондентов (табл. 3).

На этом фоне среди набора мы-идентичности студентов гуманитарных специальностей немного чаще встречаются примордиальные поколенческие (17,8 % будущих юристов против 20,4 % гуманитариев) и в то же время абстрактные (13,3 против 16,3 %) идентификации с гражданами России (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «О каких группах Вы можете сказать: “Это мы”? К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?» в зависимости от специальности опрошиваемых, %

Варианты ответа	Все опрошенные	Юристы	Гуманитарии
к людям своего поколения	18,7	17,8	20,4
к людям своей профессии, рода занятий	12,6	11,9	11,8
к людям такого же достатка	2,4	2,5	1,7
к гражданам России	15,2	13,3	16,3
к жителям Республики Адыгея	12,3	11,9	12,1
к жителям юга России	5,1	4,2	5,4
к жителям Северного Кавказа	6,0	6,8	5,2
к людям одной веры	6,5	7,1	6,7
к людям своей национальности	10,8	12,2	10,8
к людям определенных политических взглядов	3,4	4,5	3,0
к группе успешных людей	4,7	5,7	4,2
я сам по себе и ни к кому себя не отношу	1,8	1,1	2,2
другое	0,6	1,0	0,2
Всего	100,0	100,0	100,0

Сравнительный анализ ответов респондентов разных национальностей показывает, что для опрошенных адыгейцев в качестве важнейших мы-групп выступает общность жителей Республики Адыгея (18,5 %), которая немного уступает поколенческим сообществам (19,8 %). На третьем месте по степени распространенности находится этническая идентичность (14,5 %). Государственно-гражданская идентичность указывается только десятой долей опрошенных

(9,3 %). Еще примерно столько же отождествляют себя с людьми одного рода занятий (9,3 %) и жителями Северного Кавказа (8,9 %) (табл. 4).

В сегменте русских студентов на первых местах в структуре мы-идентичности располагаются поколенческие (22,3 %) и государственно-гражданские (17,6 %) идентичности. На третьем месте по степени значимости располагаются социально-профессиональные мы-группы (14,3 %). Примерно десятая доля русских студентов, проживающих в Адыгее, отождествляют себя с населением республики (10,3 %) и с представителями своей национальности (8,4 %) (табл. 4).

В подгруппе опрошенных, в которую вошли студенты разной этнической принадлежности, на первое место вышли идентификации с макрообщностью, т. е. с гражданами России (17 %). Принадлежность к людям одного с ними возраста и национальности важна еще для 14,9 и 12,9 % опрошенных соответственно. 11,3 % опрошенных отмечают близость с людьми одной профессии, рода занятий (11,3 %) (табл. 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «О каких группах Вы можете сказать: “Это мы”? К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?» в зависимости от национальности опрашиваемых, %

Варианты ответа	Адыгейцы	Русские	Другие национальности
к людям своего поколения	19,8	22,3	14,9
к людям своей профессии, рода занятий	9,3	14,3	11,3
к людям такого же достатка	1,6	2,9	1,0
к гражданам России	9,3	17,6	17,0
к жителям Республики Адыгея	18,5	10,3	7,7
к жителям юга России	1,6	5,9	6,7
к жителям Северного Кавказа	8,9	3,3	6,7
к людям одной веры	6,9	5,5	9,8
к людям своей национальности	14,5	8,4	12,9
к людям определенных политических взглядов	3,6	2,6	4,1
к группе успешных людей	5,2	3,7	6,2
я сам по себе и ни к кому себя не отношу	0,4	2,6	1,0
другое	0,4	0,8	0,5
Всего	100,0	100,0	100,0

В социологическом исследовании ставилась задача изучения восприятия молодежью региональной общности, что определяет характер региональной правовой идентичности. Как показали результаты опроса, самым важным основанием интеграции людей, проживающих в республике, является единая территория проживания (22,4 %). Особые обычаи и традиции жителей Адыгеи являются источником формирования региональной общности еще с точки зрения 15,1 % опрошенных. Еще около десятой доли студентов считают, что население республики объединяет общий язык (12 %), образ жизни (11,9), историческая судьба (10,0). Наличие особого правового статуса у региональной общности жителей республики отмечают 7,9 % всех опрошенных студентов АГУ (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вас объединяет с людьми, проживающими в Вашей республике?» в зависимости от специальности опрашиваемых, %

Варианты ответа	Все опрошенные	Юристы	Гуманитарии
историческая судьба	10,0	11,8	5,6
черты характера	5,2	4,6	5,6
язык	12,0	13,8	9,0
обычаи, традиции	15,1	15,5	12,7
образ жизни	11,9	12,2	12,3
религия	8,3	11,2	5,6
общая территория проживания	22,4	18,8	30,2
особое правовое пространство / статус жителя республики	7,9	6,6	9,3
внешний облик	0,9	1,0	1,1
общие беды	3,4	3,0	4,1
ничего не объединяет	2,3	1,0	4,1
затрудняюсь ответить	0,6	0,5	0,4
Всего	100	100,0	100,0

Для студентов юридического факультета региональная общность складывается из территориального, культурного, языкового, исторического и религиозного признаков. Каждый из этих признаков

набирает значимое число ответов в группе будущих юристов, хотя особое правовое пространство республики отмечается ими в 6,6 % случаев. Для трети студентов-гуманитариев в качестве ведущего признака региональной общности выступает территория проживания. Остальные параметры идут с большим отрывом и собирают не больше 12,7 % ответов по каждой позиции (табл. 5).

Этническая специфика восприятия региональной общности проявляется в том, что адыгейцы на первое место по числу ответов выносят единство обычаев и традиций, которые отличают жителей республики (20,3 %). Близко расположены параметры общности языка (17,7 %) и территории проживания (17,3 %). Объединяет жителей республики общая история с точки зрения еще половины адыгейских студентов. 10,1 % указывают на важность религиозного фактора (табл. 6).

Русские студенты в качестве важнейших источников объединения людей, проживающих в республике, рассматривают пространственный, социокультурный и языковой признаки. Представители других национальностей на первые места в обеспечении региональной общности выносят территорию, религию и образ жизни. Необходимо отметить, что особые правовые характеристики жителей республики отмечают в два раза больше русских, нежели адыгейских, студентов (12,1 против 5,1 %) (табл. 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вас объединяет с людьми, проживающими в Вашей республике?» в зависимости от национальности опрошиваемых, %

Варианты ответа	Адыгейцы	Русские	Другие национальности
историческая судьба	13,5	2,9	9,6
черты характера	3,8	6,9	5,6
язык	17,7	5,8	8,0
обычаи, традиции	20,3	7,5	12,0
образ жизни	8,0	14,5	16,8
религия	10,1	2,3	16,0
общая территория проживания	17,3	35,3	20,0
особое правовое пространство / статус жителя республики	5,1	12,1	6,4
внешний облик	1,3	1,7	2,4
общие беды	2,5	5,8	2,4
ничего не объединяет	0,4	4,6	0,8
затрудняюсь ответить	0,0	0,6	0
Всего	100,0	100,0	100,0

В результате для молодежи Республики Адыгеи в целом характерны поиск новых идентичностей, отождествление себя через более густую сетку социальных ролей. На уровне я-самоописаний доминируют абстрактные идентичности (человек, личность, индивид), вдвое меньше распространены государственно-гражданские идентификации. Студенты-юристы и адыгейцы по этнической принадлежности чаще выражают абстрактные я-идентификации.

В мы-идентификациях опрошенных преобладают первичные группы социального общения (представители одного поколения, рода занятий, этничности), но также большую роль играют и абстрактные макрообщности, как общегосударственного, так и регионального масштаба. Этническая специфика проявляется в приоритете для студентов-адыгейцев региональной и этнической мы-идентичности, которая конкурирует с группами повседневного общения. Для русской молодежи, проживающей в республике, важнее государственно-гражданские наднациональные идентификации.

Региональная идентичность более выражена на уровне мы-идентификаций в группе адыгейских студентов, среди которых также более выражены отождествления с этнической мы-группой. Русские студенты больше тяготеют к идентификациям с государственно-гражданскими общностями.

Как видим, национально-этнический фактор в ряде случаев оказывается в системе мы-идентификаций важнее, чем гражданственный. Хотя для я-идентификаций соотношение обратное. По мнению Н.Е. Тихоновой, это значит, что во взаимоотношениях этнических общностей присутствует некоторая напряженность, которая актуализирует чувство национальной принадлежности [11, с. 141].

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

– Изучение многоуровневой структуры идентичности республиканской молодежи показывает, что на уровне я-самоописаний доминируют абстрактные идентичности (человек, личность, индивид), вдвое меньше распространены государственно-гражданские идентификации.

– В мы-идентичности опрошенных преобладают первичные группы социального общения (представители одного поколения, рода занятий, этничности), но также большую роль играют и абстрактные макрообщности, как общегосударственного, так и регионального масштаба.

– Региональная и этническая идентичность выходят на приоритетные места в случае мы-идентификаций студентов-адыгейцев. Для русской молодежи, проживающей в республике, важнее государственно-гражданские наднациональные идентификации.

– Анализ восприятия региональной общности показывает, что адыгейцы в качестве важнейших источников объединения жителей республики рассматривают пространственный, социокультурный и языковой признаки. Особое правовое пространство / статус жителя республики является значимым фактором объединения жителей Адыгеи с точки зрения 12 % русских студентов (это в 2 раза больше, чем в других группах).

– В итоге региональная мы-идентичность характеризуется скорее вертикальными образами. В случае с адыгейскими студентами в качестве макрообщностей выступают жители республики и представители одного этноса, с которыми их роднит общность обычаев и традиций, языка и территории проживания. У русских студентов региональная идентичность уступает государственно-гражданским мы-идентификациям, которые также вертикальны по своему характеру.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».
2. Paasi A. Regions are Social Constructs, but who or what 'Constructs' them? Agency in question // *Environment and Planning*. 2010. Vol. 42. P. 2296–2301.
3. Raco M. Building New Subjectivities: Devolution, Regional Identities and the Rescaling of Politics // *Territory, Identity and Spatial Planning* / eds. M. Tewdwr-Jones, P. Allmendinger. L., 2006. P. 320–334.
4. Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // *Международный журнал исследований культуры*. 2011. № 4. С. 60–68.
5. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // *Общественные науки и современность*. 2012. № 5. С. 151–163.
6. Тихонова Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа // *Идентичность как предмет политического анализа* : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. / отв. ред. И.С. Семенов. М., 2011. С. 127–144.
7. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности: механизмы и условия // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 10-3 (48). С. 125–127.
8. Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // *Гуманитарий Юга России*. 2013. № 3. С. 11–25.
9. Еремина Е.В., Ретинская В.Н. Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики // *Власть*. 2014. № 4. С. 59–62.
10. Денисова Г.С., Жаде З.А., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности этнических групп населения Республики Адыгея // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология*. 2010. Вып. 3. С. 74–80.
11. Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 141.

References:

Denisova, GS, Zhade, ZA & Klimenko, LV 2010, 'The peculiarities of the regional identity of ethnic groups in the Republic of Adygea', *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, ekonomika, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, Issue 3, pp. 74-80, (in Russian).

Eremina, EV & Retinskaya, VN 2014, 'The civic identity of youth as a priority in public policy', *Vlast'*, no. 4, pp. 59-62, (in Russian).

Gorshkov, MK 2013, 'The role of state in the preservation and development of national and civic identity and confidence-building in the context of global processes', *Gumanitarniy Yuga Rossii*, no. 3, pp. 11-25, (in Russian).

Lysak, IV & Kosenchuk, LF 2014, 'The formation of the personal identity: mechanisms and terms', *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10-3 (48), pp. 125-127, (in Russian).

Paasi, A 2010, 'Regions are Social Constructs, but who or what 'Constructs' them? Agency in question', *Environment and Planning*, vol. 42, pp. 2296–2301, <https://doi.org/10.1068/a42232>.

Raco, M, Tewdwr-Jones, M & Allmendinger, P (eds.) 2006, 'Building New Subjectivities: Devolution, Regional Identities and the Rescaling of Politics', *Territory, Identity and Spatial Planning*, London, pp. 320–334.

Tikhonova, NE & Semenenko, IS 2011, 'The formation of a new Russian identity: the experience of empirical analysis', *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sb. st. po itogam Vseros. nauch.-teoret. konf.*, Moscow, pp. 127-144, (in Russian).

Zamyatina, NYu 2011, 'The essence of the location: a place in mental-geographical spaces', *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 4, pp. 60-68, (in Russian).

Zamyatina, NYu 2012, 'Territorial identities and social structures', *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 151-163, (in Russian).